

УДК 811.161.1'373.611

СПОСОБЫ ДРЕВНЕРУССКОГО ИМЕННОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Г.А. Николаев

Аннотация

В статье рассматривается формирование и развитие способов древнерусского именного словообразования. Проведенный анализ системы древнерусского субстантива позволяет сделать вывод об активном функционировании в ней двух способов словообразования: морфологического и семантического. Распад семантического синкретизма, усиление языковой парадигматики и исходных форм парадигмы способствовали возникновению нового конфиксального способа словообразования и активному взаимодействию морфемного и семантического словообразования.

Ключевые слова: древнерусский язык, способ словообразования, аффиксация, сложение, включение, субстантивация, взаимодействие способов.

Способ словообразования, как и другие словообразовательные понятия и категории, не был дан искони системе языка. Он формировался и развивался в ходе развития языка. Большой ошибкой было бы подходить к способу древнерусского словообразования с современными представлениями об этом феномене.

Немецкие младограмматики, а также российские историки языка (И.И. Срезневский, А.А. Потебня, А. Дювернуа и др.) пытались дать относительную хронологию формирования способов словообразования. На основании их наблюдений можно и дальше разрабатывать проблемы словообразовательной палеонтологии. К сожалению, этим сейчас почти не занимаются. Можно сослаться здесь только на работы петербургского лингвиста Д.Г. Демидова.

Конечно, система словообразования древнерусского языка имела высокий уровень развития. Основными способами словообразования были морфологический (морфемный) и семантический (безморфемный). В ряду других способов морфологический является относительно молодым, так как его формирование шло параллельно с формированием морфемы как единицы языка, становление которой осуществлялось на базе древних корней (слов) путем их сращения и дифференциации в слове на основе их регулярности/нерегулярности. Явившись наследием праславянского языкового состояния, морфологический способ словообразования продолжал развиваться в древнерусский период истории языка.

В условиях синкретизма семантический способ образования номинативных единиц тоже находился в процессе становления и развития. Его проявление было в значительной степени связано с синтагматикой языка, поэтому наиболее продуктивными были две его разновидности: субстантивация и метонимический

перенос. «Раскрепощение» этого способа и активизация его взаимодействия с морфемным словообразованием, безусловно, были связаны с разрушением семантического синкретизма, выделением новых значений и формированием семантических парадигм, составляющие которых могли находиться в деривационных отношениях друг к другу.

Древнерусскому языку были известны две разновидности морфологического словообразования: аффиксация и сложение. Аффиксация включала префиксацию и суффиксацию и была представлена как в именном, так и в глагольном словопроизводстве. При этом приставочное словообразование было более свойственно глаголу, суффиксация – имени. Такое распределение аффиксальных морфем было связано с древним предложно-приставочным параллелизмом, восходящим к праславянским отношениям, история которого пока еще не имеет удовлетворительного объяснения [1].

Из общеславянского наследия древнерусскому имени достались такие префиксальные морфемы, как *подъ-*, *пра-*, *сү-* (*съ-*), *роз-*. Ср.: *подъдыаконъ*, *подъкиномъ*, *прабаба*, *прадѣдъ*, *пращюръ*, *соузъ*, *соуморокъ* и т. п. [2]. Приставочное словообразование было, можно сказать, малопродуктивным в древнерусскую эпоху.

Напротив, суффиксация была наиболее развитым способом древнерусского словообразования. Суффикс мог осложнять в это время основу слова, словоформы и словосочетания. В последнем случае развивался способ сложения, который был свойствен исключительно именному словообразованию. Действительно, так называемые сложные глаголы образовывались путем сращения, а не сложения: *благо дѣяти* – *благодѣяти* (Изб.1073). Путем сращения образовывались и такие глаголы, как *поутѣшествовати* (из сочетания *пүти шествовати* и дальнейшей его морфологизации по типу сложений), *люבודѣяти* или *прелюבודѣяти* из (*пре*)*любы дѣяти*, то же – *богодѣяти*, *чародѣяти* и т. п. На базе таких глаголов путем их префиксации могли возникать производные типа *възблагодѣяти*, *съпүтѣшествовати*. Но это были уже аффиксальные (префиксальные), а не сложные глаголы (композицы).

Аффиксальным путем возникали и глаголы типа *благодатѣествовати*, *люבודѣествовати*, *человѣколюбѣествовати* и т. п. Эти глаголы (по сути аффиксальные) возникли путем присоединения суффикса *-ова-* к сложной субстантивной основе.

Сращение было свойственно и именному словопроизводству. Ср., например, *зъло дѣиство* – *зълодѣиство* или *благо дѣианик* – *благодѣианик* (Гр.Наз. XI в.) и др. И здесь возможны были случаи морфологизации сращений: *добрү дѣтель* – *добрүдѣтель* (Мер.Пр., л. 62 об.) – *добродѣтель* (Мер.Пр., л. 45), *дома чадьць* – *домачадьць* (Син.Пат, XI-XII вв., Ж.Ниф. 1219 г. и др.) – *домочадьць* (Георг.Ам., 97), *братү чадо* – *братүчадо* (Ряз.Крм., 154) – *брато-чадо* (Рус.Пр. 1280, 615в) и т. п.¹ Взаимодействие синтаксического сращения и морфологического сложения было широко представлено в древнерусском словообразовании. Можно сказать, что это взаимодействие, приводящее к морфологизации сращения и расширению морфемного словосложения, было характерной

¹ Языковые иллюстрации даются по словарям СРЯ XI – XVII вв., СДРЯ XI – XIV вв. и Срезн.

чертой древнерусского словопроизводства. Приведенные примеры сращений явно свидетельствуют о господстве синтагматических отношений в языке той поры. В свою очередь морфологизация этих сращений, подведение их под прочно существующие в языке композитные модели говорит об усилении языковой парадигматики.

Однако на базе словосочетаний могли возникать не только сложные, но и простые аффиксальные образования. Речь здесь идет о ранних случаях так называемого включения, которое весьма широко распространено в современном русском языке. Образование универбатов происходило на основе соотносительности со словосочетанием путем суффиксации одного из слов сочетания. Как правило, это было определяющее субстантив прилагательное.

Включение (универбация) встречалось в основном в языке деловых документов, где оно использовалось для наименования юридических документов (грамот).

Следует отметить, что универбаты образовывались, как и в современном языке, двумя основными способами: морфемным (при помощи суффикса) и безморфемным (семантическим). При этом семантический способ в этих процессах был в то время более продуктивным, чем в современном русском языке.

Такого типа образования оформляли, например, названия деловых грамот: **дѹховнаѧ грамота** (Суд.Ив.Ш, 27. 1497) – **дѹховнаѧ** (Арх.Стр.І, 50. 1482) – **дѹховница** (Козм.V. 91 об.), а также **даннаѧ грамота** – **даннаѧ** – **данница**, **докладнаѧ грамота** – **докладнаѧ** – **докладница** и т. п. В этих случаях мы видим пример взаимодействия морфологического и семантического словообразования в сфере древнего включения.

Естественно, что на базе словосочетаний чаще возникали в древнерусском языке сложные слова, композиты. Словосложение было одним из продуктивных способов морфологического словопроизводства в ту пору. В словосложении пересеклись исконно восточнославянские языковые особенности и калькирование греческих композитов. Поэтому сложные слова встречаются как в славяно-книжных текстах, так и в памятниках, созданных на восточнославянской языковой основе, в том числе и в новгородских берестяных грамотах.

Книжные и народные сложения различаются прежде всего своей денотативной стороной: греческие кальки используются для наименования лиц, действий и качеств в богословских и богослужебных текстах (**богословьць**, **чюдотворьць**, **кѹмирослѹженик**, **святотатъство** и т. п.). Показательно, что наиболее продуктивным суффиксом оформления сложных *nomina agentis* был стилистически нейтральный суффикс **-ьць** [3].

Исконно русские композиты используются для наименования мирских лиц (**Святославъ**, **Володимѣрь**, **Горислава**, **Станимиръ**), городов (**Новъгородъ**, **Переяславль**, **Вышьгородъ**), других реалий (**лѣтописьць** в значении 'летопись', **медъвьѣдь**, **человитьк**); ср. также сложения в числительных и др. Солидное исследование древнерусских словосложений провел казанский лингвист А.А. Царев [4].

Особого разговора заслуживают такие производные слова, как субстантиваты, или имена существительные местоименного типа склонения. Способ

их образования был весьма продуктивен в истории русского языка, в том числе и в древнерусский период. В этой группе слов также пересеклись исконно славянские тенденции и греческое калькирование, поэтому они весьма продуктивны как в славяно-книжных текстах, так и в памятниках исконно русских, в том числе в новгородских берестяных грамотах.

В церковных текстах субстантиваты чаще выступают в среднем роде единственного и множественного числа и обозначают различные богословские понятия. Как правило, они представляют собой кальки с греческого: **БЛАГОЕ** (τὰγαθόν), **БЕСМЪРТЪНОК** (τὸ ἀθάνατον), **ТЕЛЕСЬНОК** (τὸ σωματικόν) и др. [5, с. 202–210].

В деловых текстах субстантиваты среднего рода означают разные подати и налоги. Так, уже в первых русских договорах с греками мы встречаемся с такими наименованиями податей, как *имечное*, *мѣсячное*, *слѣбное* (ПВЛ, 945 г.), в деловых грамотах XIV века: *осмьничее*, *подушное*, *писчее*, *вѣсчее*, *подводное*, *десятое*, *поклонное*, *подымное* и многие другие.

В отличие от субстантиватов среднего рода субстантиваты мужского рода во всех текстах, церковных и деловых, выступали со значением лица. Но специфика текста отражалась в подборе соответствующих лексем. Естественно, что в церковно-книжных текстах эти субстантиваты называли святых или лиц по их внутренним качествам: *святой*, *блаженный*, *благый*, *ближний*, *грѣшный*, *правдѣный* и т. п. В светских текстах субстантиваты мужского рода называли лиц по их социальной принадлежности: *дѣтський*, *малый*, *великий*, *посадський*, *десятьський* и т. п.

С древней поры происходило взаимодействие субстантиватов (как семантических дериватов) и суффиксальных образований (морфемных дериватов), отраженное в текстах: *грѣшнын* – *грѣшникъ*, *правдѣнын* – *правдѣникъ*, *дѣсатьскын* – *дѣсатьникъ* и т. п.

Как мы уже сказали, наиболее продуктивным способом морфемной деривации в древнерусском языке была суффиксация. Именно в этот период формируется способ нулевой суффиксации. Он был связан с различными фонетико-морфологическими процессами, в ходе которых старые праславянские морфемы утрачивали свою звуковую оболочку. А поскольку утрата фонетического облика морфемы не вела к утрате самой морфемы при сохранении отношений, показателем которых она являлась, то сохранившиеся отношения и значения стали выражаться, так сказать, виртуальной морфемой, получившей в науке наименование нулевой. Указанные фонетико-морфологические процессы были в первую очередь связаны с процессом падения редуцированных гласных, протекавшим в древнерусский период.

О нулевой суффиксации в русском языке имеется обширная литература, затрагивающая разные стороны этого феномена. Отметим только, что нулевые морфемы были свойственны разным жанрам древнерусской письменности и встречались в равных количествах в книжных и светских текстах. При этом в книжных текстах они даже конкурировали с сугубо книжными именами с суффиксом *-ние*.

Различия имен нулевой суффиксации книжного и делового типа касались прежде всего их лексических сторон, обусловленных спецификой содержания

текстов. В церковных памятниках они называли реалии религиозного бытия (сѣпась, пророкъ, измѣна, отрокъ, образъ, грѣхъ, слава, постъ, гнои, трудъ и т. п.), в деловых документах – реалии мирской жизни. См. примеры из новгородских берестяных грамот XII века: **закладъ**, **извѣтъ**, **погостъ**, **порѹка** (№ 531), **истъра** (510), **наємъ** (609), **возъ** (108), **рѣзъ** (160), **тажа** (600) и др.

Релевантной для образований нулевой суффиксации является их соотнесенность с приставочными или бесприставочными глаголами. Известно, что именно приставочные имена были образованы от глаголов, в то время как бесприставочные чаще сами выступали как производящие для соответствующих глаголов, особенно 4-го класса. Глагольную мотивированность они приобрели в древнерусском языке в ходе развития обратной соотнесенности в этих именах. Образования нулевой суффиксации были первым типом имен, большинство которых было охвачено обратной соотнесенностью. По их образцу обратные связи развивались и в других словообразовательных типах. Но это происходило в более поздние времена.

Имена нулевой суффиксации характеризовались яркой стилистической особенностью. Хотя нулевой суффикс и относится к нейтральным словообразовательным средствам, все же образования с этим суффиксом более свойственны деловым жанрам. Это можно объяснить тем, что в деловом языке они были главным, если не единственным, средством создания *nomina actionis*, в то время как в книжном языке наиболее соответствующим средством создания отвлеченных имен действия был суффикс *-ние*. Как принадлежность русского народно-разговорного языка, образования с нулевым суффиксом характеризовались большой семантической подвижностью (в отличие от имен на *-ние*), основанной на древнем семантическом синкретизме. Даже после разрушения его эти имена выступают с диффузной семантикой. И эта их особенность сохранилась до нашего времени.

Большое значение для развития словообразовательной системы древнерусского литературного языка имело калькирование греческих слов при переводе произведений византийских писателей на русский язык. Оно не только активизировало сложение и сращение в русском языке, но и способствовало развитию конфиксального способа морфологического словопроизводства. В формировании этого способа пересеклись два источника: народно-славянский и калькирование. При этом если исконно славянский путь становления конфиксации предполагал обязательный этап суффиксации предложно-падежных форм (как промежуточный этап) и дальнейшее переразложение суффиксальных структур, то калькирование давало уже готовые конфиксальные структуры. В ходе взаимодействия этих двух путей формирования конфиксации в русском языке происходило активное воздействие калькированных структур на исконно русский материал [6, с. 160].

Чаще всего такое взаимодействие встречалось в тех словообразовательных группах, которые пополнялись этими двумя путями. Таковы слова на *въз...ье*. С одной стороны, сюда входили русские образования типа **възгорьк** (Иг. Дан., 16), **възводьк** (Новг.лет., 1176 г.) и т. п., с другой – явные кальки **възглавиѣ** – *προσκεφάλαιον* (Юр.Ев. 1119 г.), **възмьздик** – *ἀντιμισθίαν* (с XI в.), **възрачник** – *ἀγαμία* (Георг.Ам. XIII – XIV вв.) и др. Здесь мы не можем говорить

о влиянии одного источника на другой, поскольку эти слова появились одновременно и в разных текстах. Однако в дальнейшем такие «совпадения» были осмыслены носителями русского языка, и механизм взаимодействия форм был задействован при образовании новых слов.

Итак, в системе древнерусского субстантива активно функционировали два способа словопроизводства – морфологический и семантический. Они были тесно взаимосвязаны и взаимодействовали друг с другом. Оба способа находились в процессе становления, поэтому в древнерусский период они представлены не всеми разновидностями. Появление некоторых из этих разновидностей происходило в более поздние времена. В древнерусском языке морфологический способ словопроизводства был представлен аффиксальной разновидностью (префиксация и суффиксация), словосложением и универбацией. Наиболее продуктивными разновидностями семантического словообразования были субстантивация и сращение слов.

Именно в древнерусский период проходило активное формирование и развитие конфиксального способа словообразования и нулевой суффиксации. С последней связано развитие обратной соотношенности и нового для русской словообразовательной системы морфонологического явления – усечения основ.

Работа выполнена в рамках Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 годы)» Федерального агентства по образованию РФ (проект № 2.2.1.1/6944).

Summary

G.A. Nikolaev. Modes of Old Russian Nominal Word-Formation.

The article regards the formation and development of the modes of Old Russian nominal word-formation. Investigation carried out on the system of Old Russian substantive allows stating the active functioning therein of two word-formation means, namely morphologic and semantic ones. Disintegration of semantic syncretism, strengthening of language paradigmatics and initial forms of a paradigm promoted occurrence of a new word-formative mode (confixation) and led to active interaction of morphemic and semantic word-formation.

Key words: Old Russian, word-formative mode, affixation, composition, inclusion, substantivation, interaction of modes.

Источники

Срезн. – *Срезневский И.И.* Материалы для Словаря древнерусского языка: в 3 т. – М.: Изд-во иностр. и нац. словарей, 1958.

СДРЯ XI – XIV вв. – Словарь древнерусского языка XI – XIV вв.: в 8 т. – М.: Рус. язык, 1988–2008.

СРЯ XI – XVII вв. – Словарь русского языка XI – XVII вв.: в 27 т. – М.: Наука, 1971–2008.

Литература

1. *Николаев Г.А., Николаева Н.Г.* Предложно-приставочный параллелизм в славянских языках и его роль в формировании конфиксации // II Междунар. Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность (Казань,

- 11–13 дек. 2003 г.): Труды и материалы: в 2 т. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2003. – Т. 2. – С. 96–98.
2. *Егорова Т.В.* Развитие именной префиксации в русском языке: На материале имени существительного: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 1983. – 16 с.
 3. *Николаев Г.А.* Из истории русского словообразования: Сложные *nomina agentis* с суффиксом *-ец* // История русского языка: Словообразование и формообразование. – Казань: УНИПРЕСС, 1997. – С. 23–33.
 4. *Царев А.А.* Заметки по теории словосложения // Учен. зап. Казан. гос. пед. ин-та. – Казань, 1971. – Вып. 96. – С. 36–57.
 5. *Николаева Н.Г.* Трактат Дионисия Ареопагита *О божественных именах* в древнеславянском переводе // *Beiträge zur Slavistik*. Bd. XLII. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 2000. – 260 S.
 6. *Николаев Г.А.* Формы именного словообразования в языке XII века // Древнерусский язык домонгольской поры: Межвуз. сб. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. – С. 155–162.

Поступила в редакцию
07.09.09

Николаев Геннадий Алексеевич – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русского языка и языкознания Казанского государственного университета.

E-mail: gnikolaevksu@mail.ru